

Мария Вель

Обмен: жильё на себя

Контент 18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Вель

Обмен: жильё на себя Контент 18+

«Автор»

2026

Вель М.

Обмен: жильё на себя Контент 18+ / М. Вель — «Автор», 2026

Люба, которая осознаёт своё неоднозначное положение в доме, где она проживает. Её ситуация сводится к простому обмену интимных услуг на жильё — без эмоциональной привязанности и лишних слов. Несмотря на непростое положение, героиня сохраняет трезвый взгляд на вещи и стремится к независимости. Её главная цель — найти работу и начать зарабатывать собственные деньги, видя в этом первый шаг к свободе. При этом она прагматично воспринимает необходимость продолжать сложившийся образ жизни как временную меру, не теряя внутренней опоры и реалистично оценивая обстоятельства. Ключевые мотивы: стремление к финансовой независимости; трезвая оценка сложившейся ситуации; прагматизм в принятии непростых решений; внутренняя готовность бороться за своё будущее.

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	11
Часть 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Обмен: жильё на себя Контент 18+

Часть 1

Дождь, притихший было на ночь, вновь зарядил с самого утра. И, казалось, не собирался останавливаться ни на минуту до самого нового всемирного Потопа. За серыми холодными штрихами капель скрылись городские улицы, переулки, меньшими по размеру представляли хорошо знакомые площади и широкие проспекты. Люди, невольники работы и каких-то очень уж срочных жизненно важных дел, старались побыстрее проскочить от автобуса до входа в метро, от выхода из магазина – до стоянки авто.

Поругивая вконец испортившуюся погоду, распугавшую и без того немногочисленных клиентов, выбирающих среди городских «бомбил» потрепанную годами жизни и безжалостной эксплуатации «шестерку», Федя старательно вглядывался сквозь лобовое стекло в пустынный тротуар, залитый беспощадным дождем. Двигаться приходилось медленно, с так нелюбимой всеми без исключения водителями «скоростью пешехода», чтобы успеть во время и тормознуть на неожиданно переключившимся светофоре, и заметить замаскированную дождем яму на столичном асфальте, а может, чем черт не шутит, и поймать мокнущего несчастливца, потерявшего последнюю надежду добраться до дома, не пропитавшись влагой насквозь и окончательно.

«Что за чудо такое?» – не поверил своим глазам парень. Впереди медленно ползла по самому краешку тротуара, не обращая внимания на заливающий её дождь, девушка с огромной клетчатой сумкой на худеньком плече. Второй рукой, держащей объемный, но, видно, легкий пакет, незнакомка время от времени старательно смахивала с лица водяную пыль. Неглубокий капюшон осенней ветровки не мог защитить её от всепроникающего дождя. Модненькие, свежие джинсики были мокры до колен, а на хлюпающие кроссовки случайная прохожая, похоже, уже давно не обращала внимания.

Чуть обогнав странную даже для московских улиц путешественницу, Федя немного «отмотал» окно и крикнул, стараясь показаться приветливым:

– Эй, красотка, может, подвести надо? Не стесняйся!

– Иди ты, – беззлобно махнула рукой девушка. – Мне и ехать некуда и все равно платить нечем...

– Да ладно, я же от души, по-хорошему, просто помочь, – не понимая самого себя, вдруг принялся уговаривать незнакомку водитель. – Садись «за так», надумаешь куда – отвезу, все равно не клюет сегодня, хоть тресни, может, ты удачу накличешь?

Потоптавшись в неглубокой луже у края тротуара, девушка, видно, что-то решила для себя и с отчаянно отрешенным видом шагающей в пропасть с трудом открыла заднюю дверцу. Закинув на сиденье свой мокрый багаж, она расположилась правее шофера, тут же скинув с белобрысой головы капюшон и расстегнув ветровку. Федя, приняв пассажирку, спросил только: «Печку включить? Замерзла, небось?» И неторопливо повел свой автораритет дальше, расплескивая накопившуюся на дороге воду.

Не сказав ни слова благодарности, девушка быстро оберла о свою влажную клетчатую рубашку руки и выхватила из маленькой, незаметной среди прочих вещей сумочки довольно дорогой для начинающей бомжихи смартфон. Она быстро и привычно вызывала нужных абонентов, просилась переночевать, жаловалась на судьбу и обещала всё-всё рассказать при встрече, потом обиженно сопела на явные отказы, набирала какой-то заветный номер, плевалась от его недоступности, шипела сквозь зубы ругательства и, казалось, вовсе не обращала внимания на Федю и его благородный, необычный по здешним, столичным меркам поступок.

Минут через сорок срочные неотложные дела пассажирки иссякли, и она устало, будто втащив на гору тачку с камнями, откинулась на спинку сидения, прикрыв глаза.

«А ничего так, симпатичная, и не старуха какая-нибудь молодящаяся, – поглядывая в зеркальце заднего вида, решил для себя водитель. – Кажись, все при ней, хотя сиськи могли быть побольше. Да и не корова какая, похоже. Но даже и без всякой косметики – миленькая. Интересно, она крашенная блондинка или нет?»

– Согрелась маленько? И куда теперь тебя вести? – спросил Федя, притормаживая перед поворотом к своему дому.

– Никуда, – махнула рукой девушка, явно борясь с подступающей истерикой. – Во всем городе – некуда! Хоть в подвал к бомжам лезь переночевать! И ведь, главное, я им всегда и все, а они, сучки – «Ах, мой против...», «Ох, ко мне мама приехала...», «Нет, тут свекровь звонила, говорит, сейчас будет...»

– Ну, раз такое дело, – немного засомневался водитель. – Тогда, может, ко мне?

– К тебе? – удивилась пассажирка, распахнув яркие, васильковые глаза в пол-лица. – Шутка юмора такая?

– Какие шутки? Уже приехали, видишь, вон – дальний подъезд. Там и живу. Хочешь, зайдем. Высушишься по-человечески, пожрать есть чего, – как-то неуверенно, смущенно и сбивчиво заманивал незнакомку Федя. – Мне сегодня все равно по такой погоде ловить нечего, только бензин впустую жечь. А так – посидим, поболтаем...

– И переночевать можно? – с затаенной надеждой спросила девушка, впрочем, совершенно не опасаясь ответа: «Если мама позволит».

По всему видать было, что парень не из «вечных детей», живет самостоятельно. Вот только – вдруг у него подружка ревнивая? Или хозяйка, что комнату сдает, злая?

– Конечно, ночуй! – порадовал пассажирку водитель.

– Ладно! Меня Люба зовут, Любовь Петровна если полностью, – наконец, решилась познакомиться пассажирка.

– А я Федор, просто Федя, если коротко.

Осторожно припарковавшись на «свое» место поодаль от подъезда, водитель принял от пассажирки громоздкие сумки и вместе с ней бегом припустил под крышу. Правда, вымокнуть все равно пришлось, наступив в глубокую лужу неподалеку от входа, но теперь это было не страшно.

В старом, порядком обшарпанном, но еще не пришедшем в ветхость подъезде и пропахшем мочой лифте они не разговаривали. Молча дошли до дверей квартиры.

– Ну, давай, раздевайся, кроссы твои на батарею определим сохнуть, – уже в доме начал хозяйничать Федя, почти с порога аккуратно кинув в темную комнату вещи своей гостьи. – Куртка и здесь, наверное, отвисится... А сами – пошли на кухню.

Парень разулся и, оставляя заметные следы на потертом линолеуме, прямо в мокрых носках прошел из малюсенькой, символической прихожки вправо.

– А где тут?..

– А вон!

Федя на полпути щелкнул выключателем туалета и приоткрыл дверь в «заведение». Люба быстро юркнула туда, едва ли не на ходу спуская с бедер джинсы и трусики. И только примостившись на желто-ржавом от старости унитазе обратила внимание, что защелки на дверях нет. «Черт с ним! – подумала девушка. – От кого тут скрываться? Небось, все равно в одной койке спать будем, хорошо хоть он вежливый, с порога трахать не пристроился...»

Но о таких интимных вещах Федор пока не задумывался. Он всю хозяйничал среди грязноватой газовой плиты, старенького холодильника марки ЗИЛ, колченогого стола и тройки очень крепких, наверное, еще советских табуреток: поставил кипятиться сразу и воду под пельмени, и чайник, наполнил на две трети граненые стаканы дешевой водкой, быстро

отрезал от изрядно заветренного куска колбасы пяток толстых кружков, достал нарезной батон, расставил пару тарелок и вилок. И долго ему ждать не пришлось.

Люба, заглянув после уборной в ванную, углядев там две мужские бритвы, развесив на огненно горячей трубе свои мокрые носки, вымыв руки и протерев лицо первым попавшимся полотенцем, появилась на кухне с сакраментальным вопросом:

– А ты один живешь?

– Нет, с другом, – Федя, чуть замешкавшись, кивнул на табуретку, приглашая гостью присесть. – Давай по водочке. От простуды в такую погоду самое то. Ну, и за знакомство как бы...

Девушка присела, подсунув под себя одну ногу, чтобы хоть немного погреть заледеневшую в мокром кроссовке ступню. Понюхала подозрительно содержимое стакана и тут же лихо, как будто делала это каждый день перед завтраком, обедом и ужином, проглотила неприятно пахнущую водку.

– Мы тут снимаем на двоих, – пояснил Федя, наблюдая, как гостя вцепилась аккуратными ослепительно белыми зубками в бутерброд. – Так совсем дешево выходит. Да и райончик здесь – не дай бог. Если бы не машина. Ну, да, отцова, но у нас с Климом, это дружок мой, и доверенность и права – все честь по чести. Мы с ним по разным сменам спецом разбежались. Сегодня он до полуночи в магазине, я бомблю. Завтра он бомбить будет, а я в подсобке мешки ворочать...

С постоянными жильцами старенькой однушки на шестом этаже все было понятно, как божий день. После школы куда было податься в захудалом городке очень-очень дальнего Подмосковья? Вот и выбрались хоть немного подзаработать, чтобы не кланчить у безденежных родителей на пиво с друзьями и кино с подружками. Худо-бедно, прижились в столице. Положа руку на сердце, скорее и худо, и бедно, но дома-то еще хуже и беднее. О перспективах и планах на дальнейшую жизнь в двадцать лет как-то не очень думается. Есть деньги на квартиру, пельмени и пиво – значит, живем неплохо. По выходным раз-два в месяц можно сходить в дешевый клуб, попрыгать на танцполе, подраться с такими же, как они, задирами. Еще летом-осенью иной раз бывали на футболе, но тоже – только лишь поорать и попрыгать на трибунах, порой к концу матча забывая, кто и с кем играет.

Федя, выложившись в неожиданном для него длинном монологе, примолк, переводя дыхание. И тут чуток захмелевшая от плохой водки Люба подхватила эстафету вечерней исповеди.

В столицу она подалась из похожего депрессивного городка среднего Поволжья. Почти сразу повезло, не пришлось стоять на трассе или ложиться под клиентов в «салоне», устроилась продавщицей в неплохой магазин женского белья. Хозяйкой оказалась женщина, но тут Любаня умолчала перед внимательным слушателем, что пришлось долго и усердно вылизывать немолодое, но ухоженное женское лоно, а потом еще и отсосать любовнику мадам. Такой способ расплаты для нее был не нов, школьный аттестат без этого не получила бы. Потом повезло еще разок. Через полгода приятель любовника хозяйки положил на Любу глаз. Снял квартирку, не скупился на подарки, даже налик иной раз подкидывал изрядный, вывозил в приличные, не всем доступные клубы. Одно у него было условие – не трахаться на стороне.

«Я, конечно, не дура совсем. Но тут у подруги днюха, она всех в клуб зазвала, а оттуда к каким-то её мальчишкам на хату поехали. Сам понимаешь, там перетрахались, кажись, все со всеми, пьяные же были, а пацаны так еще под экстази. Короче, все бы ничего, мой-то папик знал про днюху, про пьянку... Он и раньше меня отпускал с подружками потусить. Но вот какая-то сволочь, думаю, сама Настюха, скинула ему на телефон фотки с того праздника. А я там – голая на диванчике, потом еще сосу одному парню, бля! Так отчетливо получилось, захочешь, не сделаешь... Вот папик сегодня и психанул. Выставил с вещами без особых разговоров. Конечно, может, еще и про другие случаи реально узнал. Вот и вызграла рев-

ность. Жадный он просто, козел, даже цепочку с шеи снял и серьги заставил оставить, мол, не отработала их. Вот я и пошла под дождь, как сирота казанская. А ему-то что? Через неделю очередную дурочку найдет, кто будет перед ним за квартиру и шмотки ноги раздвигать. И ладно бы, как мужик, был нормальный. А то – через раз вставал у него, да и кончал моментально. Я же от тебя уже, из машины, пыталась до знакомых дозвониться, ну, перекантоваться хоть пару дней. Хрен-то! Облом сплошняком! Видно день сегодня такой – не мой, короче».

Расчувствовавшись, девушка хлопнула вторую дозу водки и принялась с аппетитом оголодавшей кошки лопать сварившиеся к тому времени дешевые магазинные пельмени.

– Ну, ты можешь здесь пока перекантоваться, – предложил осмелевший от спиртного Федя. – Места на всех хватит, а не хватит, так найдем, а что?

– А куда мне деваться? Останусь, конечно, – согласилась Люба, расстегивая на себе влажную клетчатую «ковбойку». – Ты не думай, я же понимаю, что тебе от меня нужно. Как надо, так и будет. Не маленькая.

– Ну, тут это... – чуть замялся хозяин. – Я же не один. Друг Клим, то есть, не Клим, конечно, это его еще со школы так зовут, ну, от фамилии, значит...

– Ну, друг, – сделала вид, что задумалась девушка. – Друзей обижать грех. И друга твоего я не обижу! Но!

Она уже окончательно расстегнулась и скинула на третью табуретку свою рубашку, сверкнув в глаза парня алым кружевным бюстгальтером на фоне белоснежной чистенькой кожи.

– У меня одно условие, Федя. В меня совать только в резинке, да?

– Ну, да, – послушно кивнул хозяин и гулко сглотнул слюну.

– И давай сегодня по очереди, хорошо? – уже не потребовала, как секса в презервативе, а мягонько, пусть и настойчиво попросила Люба. – Ну, не в том я настроении, понимаешь?

– Пошли, – подымаясь с места, кивнул Федя.

– Что? Уже?

– Нет! Нет еще. Ты чего? Просто покажу...

У парня язык немного начинал заплетаться. Еще бы, бутылку водки они уже приговорили и убрали тару со стола. Да еще девчонка в шикарном белье перед глазами...

Довольно-таки просторная комната была символически разделена платяным шкафом на две части. В большей стоял на тумбочке неплохой плоский телевизор и располагался у стены сложенный плюшевый диванчик. На стареньком письменном столе лежал обшарпанный ноутбук, наверное, семилетней давности выпуска. За шкафом притаилась узкая, на одного, кровать и пара хлипких стульев.

– У нас еще надувной матрас есть, – пьяно похвастался Федя, включая телевизор и бухаясь на диванчик. – Если подопрет – достанем и надуем враз!

– Я вон туда, – указала на кровать Люба и пояснила: – Спать одна привыкла, а вы тут, небось, поместитесь с другом, ладно? К нему же можно задом повернуться?

– Плохо шутишь, – надулся обиженно парень. – К Ваське я каким хошь боком повернусь! Он – кореш со школы... Уже сколько? Двенадцатый год!

– Ну, прости, – по-женски подлизалась девушка. – Глупость ляпнула, что возьмешь с пьяной бабы? Ты скажи лучше, как у тебя с резинками? Имеются?

– Ладно, сказала и сказала, я уже забыл, – не умеющий долго обижаться, Федя кивнул. – А за презиками Клина пошлем, когда он с работы придет. Магазин здесь неподалеку, быстро сбегает...

– Не надо посылать, – успокоила парня Люба. – Есть у меня в запасе. С папиком-то я только в резине и трахалась. Он сам так хотел, и меня приучил. В ротик, понятное дело, без и – всё. А в жопку я ему не давала. Жопку мою еще заслужить надо, – девушка игриво похлопала

себя по крепким ягодицам, – она не для всяких, у кого кошелек толстый, а остальное – тьфу... дрянь, честное слово...

Федя, обрадованный, что все так легко и складно получилось, полез было заботливо перестилать постельное белье на кровати, но Люба махнула рукой, останавливая: «Брось, чепуха это!» и принялась разбирать свою клетчатую «челночную» сумку, якобы, в поисках презервативов. Нет, резинки она, конечно же, нашла, но к тому времени письменный стол, оба стула, часть диванчика и даже работающий едва слышно телевизор были завалены женскими трусиками, брючками, лифчиками, блузками, халатиками, косметичками, прокладками, тампаксами и еще такими вещицами, названия которых Федя и не слышал в свои двадцать с небольшим лет.

К тому моменту, когда пара упаковок презервативов, наконец-то, переселилась из сумки Любы под подушку кровати, в доме появился Вася-Клим. Высоченный, худой и сутулый он на плотного невысокого Федю походил, как дог-переросток на эрдельтерьера. Да и по масти парни были разными: чернявый, смугловатый Клим и русый, по-осеннему бледный Федя.

Вернулся с работы Вася не пустой, со свежим хлебом, с изрядным куском, похоже, краденного сыра и бутылкой дешевой, «премиальной» от магазина водки. Естественно, уже втроем снова сели за стол, закрепить знакомство. Успевшая в суматохе снять влажные джинсы и накинуть тонкий изящный халатик сочного голубого цвета, Люба то и дело демонстрировала ребятам голенькие стройные ножки, посмеиваясь над их жадным, голодными, но в то же время смущенными и обескураженными взглядами.

Вторая бутылка «не зашла» так легко и активно, как первая. Выпили по полстаканчика, гостя удалилась укладываться в зашкафный закуток, прихватив с собой большую часть разбросанных по комнате вещей, а ребята принялись раскладывать и обустривать свой диванчик, а потом и выставлять на горячую батарею мокрую обувь...

Переодевшись в коротенькую прозрачную ночнушку – ну, не любила она спать голышом – Люба, прикрывшись тощим одеялом услышала бубнящий шепот друзей: «И что сейчас-то, Федь?» «Не ссы, Клим, я договорился. Сперва я, потом ты. А уж завтра, как карта ляжет, может, и вместе. Главное, не рвать с места в карьер. Мы же не маньяки какие. Потрахаемся тихонько и спать!»

Федя пришел за шкафом через пару минут, не сняв даже застиранные семейные трусы, через которые дыбился упругий напряженный член в полной готовности.

– Ну, чего стоишь? – откидывая одеяло и задирая под горло ночнушку, позвала Люба. – Сымай труселя и давай...

Она, приподнявшись на локте, привычно раскатала на среднем по размеру, но толстеньком пенисе резинку. И даже минетить не пришлось, Федя сразу же, как подкошенный, навалился на девушку, бестолково тыкаясь стволком между быстренько раскинутых длинных ножек. Люба ловко помогла ручкой попасть в нужное место и на несколько секунд замерла, ощущая, как новый член вошел с размаху на полную глубину влагалища. В предвкушении нежданного в эту ночь соития смазка у нее выступила обильно, и Федя легко двигался сильными и быстрыми движениями. Попривыкнув к парню, гостя принялась активно и во время помахивать, шевеля тазом навстречу, иногда закидывая ножки на поясицу партнера, крепко обнимая и прижимая его к себе.

Немного огорчало Любаню то, что Федя не стал с ней целоваться, но потом она и в этой мелочи нашла для себя плюс. «От водяры, небось, такой перегарище стремный. Да и зубы они оба на ночь не чистили», – подумала девушка, просунув между телами руку и умело поигрывая мошонкой партнера. Кажется, это оказалось последней каплей. Федор зарычал, замычал сквозь сжатые зубы, прижался к девушке всем телом, беспорядочно дергаясь и сливая сперму в презерватив. Тут же, лишь чуть притихнув, скупое чмокнул Любу в щечку, вскочил

и почти выбежал из закутка. Она услышала звонкий шлепок снятой и брошенной куда-то к столу наполненной резинки, и встревоженный шепот Клим: «Ну, что?» «Иди...»

«Изголодались мужики, торопятся, – подумала Люба, встречая уже голого, в полной готовности Васю. – Сами в душ ни ногой, и мне даже подмыться не дали...» «Раскатывая презерватив по стволу, она заметила, что член приятеля был изрядно длиннее фединого. «Как бы не все двадцать», – подумала девушка. Крупные, длинные пенисы она не любила, предпочитая аккуратный и хорошо стоящий средний размерчик и по длине, и по толщине. Но тут уж выбора не было. Да и Клим оказался не в пример приятнее друга в постели. Он никуда не спешил, неторопливо впихивая член в подготовленное предыдущим партнером влагалище. И эта размеренность принесла свои плоды. Минут через пять верхнюю часть бедер, лобок и вагину скрутила приятнейшая легкая судорога. Вася даже остановился на мгновение: «Ты чего?» «Кончила я, – шепнула довольная Любка. – Теперь ты давай побыстрее, а то спать уже хочется...»

Да уж, с папиком она такого точно не испытывала. Пожалуй, последний раз так сладко и непринужденно кончалось с месяц назад в клубном туалете, где её зажал какой-то пацан. Она даже не поняла, был ли это кто-то из случайных знакомых, с кем вместе дергались на танцполе, или просто мальчик воспользовался моментом, загнул Любку раком и отодрал возбужденную, желающую девчонку так, что потом коленки тряслись минут десять.

Вася оказался не только послушным, но еще и изобретательным по сравнению с другом детства. «Перевернись», – попросил он тихонько. Но не стал ставить девушку на «четыре кости», как она ожидала, а оставил лежать на животике, сам прилег, приник к её спинке, неожиданно легко нашел нужную дырочку и заерзал, легонько похлопывая лобком по крепким ягодицам. Через пару минут протяжно застонал, прижимаясь покрепче, резко выдохнул и приподнялся на вытянутых руках. «Я все, – и тут же озабочился самочувствием Любы: – А ты как? Ничего?» «По кайфу, – похвалила партнера девушка, – только спать хочу – не вмоготу уже...» «Я тогда пошел?» – аккуратно слезая с распростертого тела, сказал Клим. «Давай...» «– сдвигая ножки, попрощалась Любка, даже не подумав одернуть закрученную вокруг шеи ночнушку.

Парень осторожно и заботливо накрыл её тощим одеялом. Как шлепнул по полу снятый презерватив, как Вася отодвигал к стенке успевшего задремать товарища, Люба уже не слышала.

Часть 2

Разбудил Любку тошнотворный запах жареных пельменей, как удушливый газ распространяющийся по квартире. Перевернувшись на спину – оказывается, она так и спала всю ночь на животе, как её оставил Вася – девушка села на кровати, спустив на пол ноги и одернув с шеи ночнушку.

Как ни странно, в голове и даже во рту никаких дурных последствий от выпитой вчера дешевой водки не ощущалось. Видно, вечерние треволения с «изгнанием из рая», а потом вполне себе неплохой секс с двумя самцами по очереди сделали свое светлое дело.

Оставив на постели стянутую через голову ночнушку, Люба, как была голышом, проскочила в уборную, а оттуда – в ванную, умыться и хотя бы почистить зубы. Странно, как она выложила на грязноватую старую подзеркальную полочку свою щетку, девушка совершенно не помнила. А может, это кто-то из ребят постарался, поухаживал за случайной бесплатной давалкой?

Свою однозначную роль в этом доме Люба поняла и приняла сразу, еще вчера. Простой трах за жильё, только и всего, без лишних слов и сентиментальности. Наверное, теперь остается только не опуститься до бессловесной безответности. «Ладно, мне бы сейчас только на работу куда устроиться, – подумала девушка. – Пусть не сразу, пусть за минеты, но свои деньги в кармане – это уже шаг к свободе. А потрахаться лишний раз, пусть и с двумя – дело знакомое».

Она обнаружила на трубе в ванной свою «ковбойку», накинула её, вместо халатика, и, не застегиваясь, пошла на кухню.

Там хозяйничал Вася-Клим. Тоже понятно, Федя ушел на работу, подсобничать в магазине, где они оба числятся и охранниками, и грузчиками сразу, а его друг может сегодня «бомбить» по свободному графику, начальства нет, никто над душой не стоит.

– Привет!

Вася смотрел смущенно, видно, до сих пор не доводилось встречать по утру девушек, которых трахал ночью, а может, он сам по себе был такой... застенчивый?

– Пельмени будешь? – предложил он Любке.

– Буду, все равно ведь больше ничего нет, – согласилась она, усаживаясь за стол и все больше волнуя парня полоской голого тела между полами рубашки. – Ты тоже поешь?

– Ну, да, а потом поеду, может, хоть чего сшибу по деньгам, хотя по такой погоде... – он расстроено махнул рукой, за окном по-прежнему дождило, и ни малейшего просвета в серых обложных тучах не было.

Они быстренько, без аппетита, пожевали пельмени, запили их чаем из дешевых пакетиков, обмениваясь короткими, ничего не значащими репликами. Вася закинул грязные тарелки в старую облезлую мойку, помялся смущенно, глядя, как Любка поудобнее устраивается, прислонившись спиной к стене и вытаскивая из брошенной на столе еще вчера её пачки «Парламента» сигарету.

– Вася, ты лучше прямо скажи, чего надо, – попросила его девушка, пыхнув дымком. – А то я таких намеков совсем не понимаю. Я тупая блондинка, ага?

Волосы у Любки и впрямь были светлые, правда, короткие, чуть прикрывающие шею, но густые, сильные.

– А ты крашенная или сама по себе такая? – вдруг спросил то, о чем и вовсе не думал, парень.

– Естественная, как говорила наша ботаничка в школе, – засмеялась над нелепым вопросом Люба. – А чего?

– Ну, как бы... а там как же?

Окончательно смутившийся Вася кивнул вниз, на узкую полоску волос, кудрявившуюся на лобке девушке и не прикрытую сейчас распахнутой клетчатой рубашкой.

– Да ты как маленький, – снова захихикала Любка. – Там всегда волосы темнее, у всех, чего бы не болтали зря. Хочешь верь, хочешь проверь.

– Да я верю, – и, наконец, набравшись смелости, Вася попросил: – А ты можешь мне минет сделать?

– Сделаю, – без колебаний кивнула гостя. – Прямо сейчас?

– Ну...

– Докурю и сделаю. А чего это тебе загорелось?

Кажется, Вася смутился совершенно от такого простого вопроса. И – не даром.

– Знаешь, мне не делали до этого ни разу, – честно признался он и тут же торопливо и сбивчиво пояснил: – Ни дома, ни здесь уже, в Москве. Ну, было у меня с женщинами, а до минета как-то, ну, не доходило, что ли... это... ну, ты поняла, да? Чтобы совсем по трезвянке и потом помнить всё. А хочется ведь... ну, понятно, да...

– А вчера чего же не попросил? – резонно поинтересовалась Люба. – Я всегда за щечку взять не против.

– Да как-то... ну, короче, не хотел при Феде, – раскрыл еще одну интимную тайну Клим. – Ему это дело не нравится страшно, говорит, мол, просто зубами скребут по залупе, больно и неприятно...

– На нем, небось, неумеха какая в детстве тренировалась, – пренебрежительно отозвалась девушка и деловито распорядилась: – А ты чего до сих пор здесь стоишь? Давай в ванную, подмойся, как следует, и под шкуркой не забудь сполоснуть...

Любаня не успела еще затушить в потрескавшейся керамической пепельнице окурочек, как воодушевленный предстоящим оральным сексом Вася слетал туда и обратно, вернувшись без штанов и с напрягшимся в полуготовности членом.

– Молоток, шустро ты, – похвалила девушка партнера, приподняв ладошкой не такой уж большой, как показалось ночью, член. – Такого красавца и пососать приятно...

И она звонко чмокнула багрово-сизую залупу. Парень невольно вздрогнул, а лукаво поглядывающая снизу вверх Люба решительно взялась за мошонку, подтягивая поближе затаившего дыхание Василия. Нарочито далеко высунув розовый забавный язычок, Любаня легонько лизнула раз-другой головку, потом спустилась вниз по крепнущему с каждой секундой стволу, поигралась пальчиками с мошонкой, но лизать её не стала, уж больно волосатой и неухоженной она показалась девушке.

Возвращаясь короткими быстрыми касаниями языка к залупке, Люба вновь глянула на нависшего над собой, как гора, партнера. Глаза Васи на растерянном простоватом лице казались огромными, словно у древнего зверя Чебурашки. «То ли еще будет», – усмехнулась про себя гостя и накрыла головку члена губами, пропустила в ротик и начала работать язычком уже внутри.

Вася внятно и натужено застонал от невероятных, впервые в двадцать-то лет испытываемых ощущений, мощно ударил обоими кулаками, опираясь ими в стену над головой Любки. И смотрел! Во все глаза жадно, взхлеб наблюдал, как его ствол то погружается в губастенький красивый ротик девушки, то выходит почти совсем, подхватываемый небольшой узкой ладошкой, то оттопыривает нежную девичью щечку.

А Люба увлеклась, надрачивая ствол, перебирая пальцами крупные яйца парня, обсасывая залупу. На мгновение она выпустила член изо рта, состроила губки буквой «О» и предложила Васе:

– Потрахай меня в рот! Мне это страсть, как нравится...

И тут же прихватила партнера за ягодицы, подсказывая, регулируя темп проникновения залупы в ротик. К сожалению, в такой позиции контролировать глубину вхождения было

сложно, но парень, кажется, не был любителем пощупать головкой женское горло. Вася, как умел, двигал бедрами, уже не просто отдавшись на волю любкиного рта, а самостоятельно – мужик я или нет! – трахая гостью орально.

А девушке происходящее на обшарпанной чужой кухне нравилось до жути душевной. Она приучилась к минету задолго до лишения девственности, тренируясь сперва на соседском мальчишке, потом на двоюродных братьях и одноклассниках. Но лучшим учителем оказался случайно встретившийся возле дома бывший сосед, недавно вернувшийся из Москвы, с заработков, совсем старый, по меркам подростка Любки, мужчина за сорок. Он не просто освобождал от накопившейся спермы яйца, а подсказывал, как сделать приятнее для него, как лучше, возбuditельнее и чувственнее ласкать не только пенис, но и мошонку, и даже задний проход, подсказывал, как убирать в процессе зубки, показывал на себе особо чувствительные к ласкам точки мужского тела. Вкусив неведомой до сих пор сладости, девочка бегала за ним почти полгода, успевая за пяток-другой минут принять в ротик очередную дозу спущенки. А потом мужчина опять уехал и пропал надолго, а Любка вернулась к сверстникам, поражая их «столичной» техникой.

Подход Васи к финишу минетчица ощутила сразу, уж больно явно дернулись, потягиваясь к стволу, крупные тяжелые яйца. Девушка, оперевшись ладонью в мужское бедро, притормозила движения партнера, отстранилась, вытаскивая изо рта на секунду член и, лукаво взглянув на тяжело дышащего парня, похотливо спросила:

– Спустишь мне в ротик? Мне так нравится спермочка...

Василий сумел лишь кивнуть в ответ, приноравливаясь, как будет двигаться еще быстрее между пухленьких губок, но тут Люба, по опыту знающая, чем кончаются такие движения, взяла инициативу в свои руки. Поставив ладонь на стволе предел погружения, она принялась быстро-быстро надевать ртом на залупу, одновременно надрачивая член и совсем легонько поглаживая свободной рукой мошонку.

Продержался парень недолго. Любка и так все это время удивлялась его выдержке при первом-то в жизни минете, но тут он окончательно сдался, подергивая судорожно бедрами и выплевывая из залупы в ротик партнерши одну за другой тугие длинные и удивительно густые струи.

От моментально обозначившейся во рту полынной горечи Любка едва не скорчила брезгливую гримаску: «Пьют они здесь каждый день, что ли? Или водка вчерашняя таким дерьмом оказалась?» Но девушка сумела сдержаться, демонстративно и смачно сглатывая попавшее ей в рот семя. Потом, когда Вася иссяк окончательно и выдернул обмякший член из приятного жаркого плена, облизнула соблазнительно губки.

– Тебе понравилось?

В ответ парень в немом восхищении показал оттопыренный большой палец. Слов он, похоже, сразу не нашел и от этого засмутился, как ребенок, и буквально выбежал в ванную, где оставил после помывки трусы и джинсы, и уже оттуда осмелился высказаться:

– Классно было, Любань! Кайф! Если еще сегодня вечером так Феде бы сделала! Ну, пусть он узнает, что такое настоящий минет! Правда?

«Заботится о друге», – расслабленно подумала девушка, а вслух сказала:

– Вечером обязательно.

– Я уйду, – появился на секунду на кухне Вася. – Буду часам к девяти или позже, если клиент какой появится. Не скучай, телек, вон, позырь, что ли, ну, пока...

– Пока, Васенька.

Люба вдруг соблазнительно – хоть оставайся – зевнула, прикрывая натруженный ротик маленькой узкой ладошкой. После дурных, но сытных пельменей, горькой и обильной спермы ей почему-то жутко захотелось спать. Вот сейчас Вася уйдет, и она плюхнет на узкую кровать за шкафом, придавит до самого вечера, а уж там...

... – Ты чего себе позволяешь, шлюха!!!

Голос папика начинался с шепота и постепенно, с каждым звуком переходил на истерический, совсем не мужской, визг.

– Я тебя кормлю, пою, живешь на всем готовом, как принцесса мухосранская!

Хорошо отославшаяся после вчерашней гулянки Люба только-только пришла из магазина с хлебом и минералкой, а тут – посреди комнаты стоял и надрылся немолодой уже мужчина в отлично пошитом костюме, при галстукке, с изрядной лысиной на когда-то чернявой голове, с брюшком, распирающим застегнутый пиджак.

– Ты чего? Что случилось? – на другие слова в ответ фантазии растерянной девушки не хватило.

– Я чего? Это ты чего! Ты – проблядь понаехавшая! За что я деньги тебе платил? И нужно-то было раз-два в неделю ножки раздвинуть, а она!

Кажется, папика больше всего волновало нецелевое использование выделяемых им средств.

– Ну, ты так не волнуйся, – осторожно попробовала прощупать почву Люба. – Сам же разрешил вчера на днюху сходить...

– Днюху! – окончательно вскипел мужчина. – Шлюха на днюху! Вот тебе!..

Он рванул к зеркальному шкафу-купе, резко выбросил оттуда клетчатую сумку «мечта оккупанта» и принялся лихорадочно закидывать в нее, как попало, вещи девушки.

– Эй, эй... – не поняла его действий Любка. – Ты чего?

– Вон! Вон из этого дома прямо сейчас, чтобы духу твоего... чего зыркаешь, как овечка невинная? Не догадываешься? Вон, глянь, какая ты красавица, проשמандовка!

Он сунул ей под нос дорогуший айфон. На экранчике светилось изображение сидящей на красном клубном диванчике Любы. Взъерошенные белые волосы, измятая, кое-как застегнутая темно-зеленая блузка, вздернутая чуть ли не до пояса коротенькая черная юбочка-стрейч... «Ну, и что тут такого? Выпила, потанцевала», – хотела уж было возразить девушка, но тут заметила, что никаких трусиков под задранной юбкой нет, и она светит голой пиздой прямо в объектив неизвестного фотографа. «Ой, бля... влипла...»

– Еще, еще смотри! – дрожащий от переполняемого его волнения, ярости и огорчения за бездарно потраченные деньги папик дернул пальцем экран, меняя картинку.

Упс! Любка стоит рачком уже на желтом домашнем диванчике, светит голенькой попкой в полумраке помещения, а ртом надевается на изрядных размеров стоячий член какого-то парня, от которого в кадр попала лишь малая часть без лица.

Папик лихорадочно передергивал пальцем экран, демонстрируя девушке, как её имеют рачком, как она сидит сверху на патлатом и каком-то неухоженном парне. Все еще полуодетая, в распахнутой блузке, приспущенном черном бюстгалтере и задранной юбке, лохматая, раскрасневшаяся от получаемого удовольствия. Как вставляют член в приоткрытую, сочащуюся желанием вагину, было снято в упор, хотя по маленькому шрамику на бедре и приметной родинке не узнать Любу было невозможно. «Уф, хорошо, что в резинке», – с облегчением выдохнула она, вглядываясь в кадр. Некоторые подробности вчерашней гулянки из памяти испарились просто волшебным образом. Про предохранительные средства, к примеру.

– Мне давно говорили! – продолжил истеричное и напрасное воспитание уже бывшей любовницы мужчина. – Разные люди говорили, что ты блядь первостатейная, особенно, как выпьешь. С любым пойдешь, даже про деньги не спросишь! Я-то сперва не верил, дурак! И вот – поглядел своими глазами!

Он отдернул из-под носа Любы телефон и судорожно принялся его закидывать в карман пиджака.

– Вещи собирай! Все! Ты сюда больше ни ногой, поняла? – прикрикнул он на девушку. – И это – снимай!

– Что снимать? – сразу не сообразила Люба.

– Серьги снимай, сука! Которые я подарил! И колечки! И часы! И цепочку! – совсем уж разошелся папик, только что по столу кулаком не стучал, но, наверное, потому, что стола поблизости не оказалось.

Любана спокойно сложила на подзеркальник трюмо в уголке комнаты золотые подарки бывшего любовника. Подпихала в сумку, а еще и в просто пакет свои носильные вещи и кое-что из чисто женских принадлежностей, подхватила на плечо сумочку на длинном ремне, в которой постоянно лежал паспорт, телефон, небольшая заначка денег, и нагруженная молча вышла из квартиры.

Конечно, она могла бы сказать в ответ папику, мол, трахал бы получше и почаще, то и на сторону смотреть не стала. Хотя, честно говоря, это было бы не правдой. Могла скромно попроситься хотя бы переночевать сегодня на старом месте. Вряд ли этот козел разрешил бы, но попытка – не пытка. Впрочем, сама по себе истерика вечно самодовольного, изображающего из себя невесть какого крутого то ли чиновника, то ли бизнесмена, то еще кого, уже была для Любки своеобразной компенсацией и наградой за проведенные в этой уютной, хорошо обставленной квартирке полгода. Терпеть, конечно, терпела, как будет терпеть еще многих в своей жизни, но...

... Люба вскинулась со сна, вздрогнула, будто только что получила обидный и унижительный слабенький, совсем не мужской пинок под зад от своего папика при выходе из квартиры. Ох! Слава богу! Не так давно произошедшая сценка расставания просто приснилась девушке, сладко задремавшей в квартирке двух друзей, на кровати, символически отгороженной платяным шкафом.

Люба почему-то первым делом судорожно схватилась за телефон в изголовье, глянула на время. И продрыхла-то всего пару часов, а такая дрянь приснилась! И что теперь делать? Опять звонить по подружкам, готовым поддержать выход в клуб или на тусовку, но забывших про Любку, стоило с ней случиться неприятности? Или прямо сразу звякнуть однокласснице, что с самого приезда в Москву таскается по «салонам» и «конторам» и чувствует при этом себя удачливой и независимой, ловко устроившейся в столичной жизни?

«Нет, – подумала Люба. – Сперва еще попытаюсь куда втиснуться. Продавщицей на рынок или хоть курьером на первое время. До зимы. А там... «Что будет там думать не хотелось. А вот прямо сейчас телефон девушки дышал на ладан. Заряда батареек осталось от силы на пару коротеньких звонков. Люба встала с постели, порылась в своих разбросанных вещах, распотрошила сумку с документами. Зарядки нигде не было.

«Черт! Обидно, – с горечью подумала девушка. – И что теперь? У пацанов-то, похоже, совсем уж кнопчные мобилы для гастарбайтеров... «Но все-таки она пошарила по ящикам старого письменного стола, позаглядывала на полки шкафа, заполненные вперемешку потертыми свитерами, носками и запасными джинсами. Найденные две разные зарядки для телефонов, разумеется, к её аппарату не подходили никоим образом.

– Ну, и плевать! – вслух высказалась на очередную неприятность Любка. – Пойду сейчас и куплю новую! Черт с ними, с деньгами. Все равно перед смертью не надышишься.

С трудом отыскав среди своих вещей свежие черные стринги, девушка не спеша оделась, хотела чуть-чуть подкраситься, но подумала, что дождь, даже не попадая на лицо, все равно смое любую косметику. Простоявшие со вчерашнего вечера на батарее кроссовки абсолютно просохли и даже нагрелись. Люба заправила в джинсы «ковбойку», накинула куртку, расправив и приготовив к выходу капюшон, сняла с гвоздика возле двери маленькую связку из пары ключей, их она заметила еще вчера, да и Федя тогда подтвердил, запасные, мол, на всякий случай. Перед самым выходом девушка проверила в сумочке запиханный туда телефон, паспорт, деньги в потайном кармашке и решительно шагнула из приютившей её квартиры.

«Туда и обратно, – подумала Люба, подходя к лифту. – Далеко тут, интересно, до салона связи добираться придется?»

Максимально быстро, насколько позволяли разнообразнейшие лужи на асфальте, девушка добежала до угла длинного старого дома, и только оттуда заметила за серой рябью бесконечного дождя яркие огни местного торгового центра.

«Везет, – подумала Люба. – Там точно зарядку найду. Значит, теперь до перехода, потом через автобусную остановку и – считай на месте...»

... Ближе к полуночи домой вернулся с охранной и подсобной магазинной работы Федя. На кухне он застал одиноко жующего бутерброд со вчерашним сыром Василия.

– А что так тихо? – удивился Федор, посетив по очереди туалет и ванную, заглянув в комнату и не увидев там никого. – Куда наша Любка делась?

– А кто её знает? – уныло пожал плечами друг. – С утра была. Еще мне минет отстрочила по высшему классу. Обещала и тебе вечером сделать. А когда вернулся – нет уже никого.

– Дверь-то закрыта была? – начал вникать в произошедшее Федя.

– Ну, да, все нормально, только не так, как мы закрываем обычно. На нижний замок было замкнуто.

– Значит, переспала с нами и – улетела птичка, – со вздохом деловито констатировал Федор. – Как бы теперь с птичьей болезнью не остаться...

– Типун тебе на язык! – искренне возмущился Вася до сего дня счастливо избегавший подобных сюрпризов в интимной жизни. – Если бы сбежала, не прощаясь, то вещи бы так не бросила. Сам глянь, все шмотки её здесь остались.

– А вдруг она...

Не договорив, Федя кинулся в уборную, присел, обнимая унитаз, с облегчением нащупал приклеенную скотчем позади пожелтевшего от времени бачка общую с другом заначку.

– И деньги на месте, – с недоумением сказал он, почесывая в затылке, а потом резко махнул рукой, – ладно, давай жрать, что ли. Захочет, вернется. А так, вольному – воля!

– Ага, – поддакнул друг.

А что он еще мог сказать?

Завалившись после позднего ужина на диван, друзья включили телевизор.

«... трагедия произошла на Второй Парковой улице, – деловито вещал диктор с экрана. – Грузовой автомобиль на полной скорости протаранил автобусную остановку со стоящими на ней людьми. Как стало известно нашей редакции, водитель, управлявший транспортным средством, умер за рулем от внезапного инсульта. В результате трое граждан скончались на месте, еще двое находятся в больнице в тяжелом состоянии...»

– Это ж рядом, да? – заинтересовался Вася. – Хотя что-то интересное в знакомых местах случилось...

– Ну, да, как от нас к торговому центру идти, – подтвердил друг. – Вот не повезло кому-то, верно, Клим?

– И не говори... Судьба.

Среди ночи крепко спавший на диванчике Василий вдруг проснулся от того, что рядом с ним упало пьяное женское тело. Кто-то бесцеремонно влез к нему в трусы холодной узкой ладонью и зашептал жаркими, слюнявыми губами прямо в ухо: «Федя, я ебаться хочу – аж зубы сводит...»

Часть 3

Она успела уловить за спиной движение огромного грузовика, прямо-таки летящего в туче брызг у самого краешка дороги. И услышала жесткий скрежещущий удар металла о металл. Оглянулась и – застыла в шоке. Там, где только что была автобусная остановка, виднелся искореженный изогнутый чудовищным ударом, лишенный стеклянного обрамления металлический черный скелет. Чуть поодаль лежали бесформенными мокрыми грудями несколько мертвых тел. И над всем этим ужасом величественно замер светлый КАМАЗ с изуродованным бампером и выбитыми лобовыми стеклами...

«А я ведь там постоять под крышей хотела», – растерянно подумала Любка, пребывая в каком-то странном недоумении. Мысли текли заторможено, лениво, будто во сне. Сколько она пробыла в таком состоянии – наблюдая, как начала собираться толпа, несмотря на усилившийся дождь, как подъехали одна за другой машины «Скорой помощи» и полиции, как суетились, перекладывая на носилки тела пострадавших фельдшеры и врачи, как бормотали что-то невнятное промокшие зеваки – Люба не могла понять. Может, час, а может и десять минут. Хотя, десять-то минут вряд ли, пропитаться влагой её ветровка успела изрядно прежде, чем в голове у девушки что-то перемякнуло: «Я ведь в салон связи за чем-то собиралась», и она неторопливо побрела с места происшествия, возле которого ей лишь чуть-чуть самым кончиком черного страшного крыла привиделась внезапная смерть, напоминая о бренности всего живого и суетности мимолетных желаний.

... – Вам чем-нибудь помочь? – и тут же, без перехода, подошедший к посетительнице менеджер маленького торгового зала, заставленного стеллажами со смартфонами и аксессуарами к ним, искренне удивился: – Любка? Ты? А чего бледная, как смерть? На себя не похожа?

Девушка подняла голову, оторвавшись от тупого разглядывания застекленной аппаратуры. Узнала тут же, память на лица и имена у нее была отменной.

– Привет, Тима, я вот только что с улицы. Видел, что там случилось?

Этот шустрый невысокий и худощавый паренек на последнем гульбище в чьей-то чужой квартире все пытался пристроиться к Любе, но занял, кажется, неудачную позицию и оказался в конце очереди. Махнув рукой на случившийся облом, он тогда скрылся в соседней комнате с кем-то из подруг именинницы, а может, и сразу с двумя, этот момент девушка помнила уже не так отчетливо.

– Девчонки рассказали, они у нас здесь шустрые, – понимающе кивнул парень. – А ты что – там была, что ли?

– Только-только отошла от остановки, как туда – грузовик, – рассказала, с трудом подбирая слова, Люба. – До сих пор коленки трясутся. Десять шагов, и меня бы уже на свете не было.

Что-то сообразив для себя, Тимофей быстро глянул на часы, эх, до конца рабочего дня еще очень долго, но можно и попробовать выкрутиться.

– Тебе сейчас выпить надо, – авторитетно посоветовал он девушке. – Самое лучшее средство при стрессах!

– Где бы еще выпить и что?

– Сейчас организую, заодно попрошу соседок присмотреть за залом, – деловито засуетился парень. – Ты чего зашла-то к нам? Просто так?

– Ну, зарядка на телефон нужна, – вспомнила о цели своего визита в салон связи Люба. – Посеяла где-то свою, а смарт разрядился почти.

– Сделаем, – изобразив на лице безусловную важность своей персоны, кивнул Тима и тут же исчез из зала.

Вернулся он, можно сказать, молниеносно, приведя с собой некрасивую, вульгарно накрашенную девицу в зеленой блузке с бейджиком. «Это Валька, она тут побудет пока...» В руках Тимофея соблазнительно позвякивал содержимым фирменный пакет.

– Ты куда меня тащишь? – словно очнувшись от долгого странного сна, спросила Люба.

Они пробирались по каким-то пустынным коридорчикам, раскинувшимся невнятным лабиринтом сразу за служебным выходом салона.

– Здесь у нас подсобочка одна имеется, – пояснил Тима. – Кругом-то камеры, охрана бдит. Конечно, доносят редко, но мне попадаться сейчас никак нельзя. Жду повышения. Вот и шкерюсь, как в школе, если что...

Он быстро огляделся по сторонам и втолкнул спутницу в одну из безмянных белых дверей, и Люба оказалась в довольно тесном, заставленном пластиковыми ведрами, швабрами и бутылками с моющими средствами помещении. Впрочем, весь этот инвентарь был аккуратно сдвинут к стенам, а центр занимал высокий столик с маленькой столешницей на одной толстой ножке и пара побитых, но еще пригодных для сидения барных стульев.

Парень замкнул за собой дверь на ключ, и только после этого из фирменного пакета появились и расположились на столе две бутылки водки, пара апельсинов и два розовых стаканчика.

– Ты без обид, – сказал Тима, поглядывая на скромную закуску. – Что под руку подвернулось, то и взял...

– Какие обиды, – равнодушно махнула рукой Люба, с неожиданно жадностью глядя, как льется в емкость прозрачная прохладная жидкость.

Кажется, водка у Тимофея оказалась на класс выше, чем девушка пила прошедшей ночью у Феди и Васи. Во всяком случае наполненный почти под завязку стаканчик ушел в один продолжительный и смачный глоток.

Любана прислонилась спиной к стулу, чувствуя, как растекается в желудке обжигающая жидкость, и поняла – её только сейчас начало немного отпускать. Она даже глаза прикрыла, так это было хорошо... И сразу не поняла – то ли в самом деле задремала, то ли просто впала в странное оцепенение, которое и не сон, и не явь, а нечто третье, вовсе необъяснимое?..

... – Давай повторим? – предложил паренек.

Стаканчики были довольно-таки мелкими в сравнении с родными гранеными. Но выпить спокойно им не удалось. В дверь скользнула и остановилась напротив Тимы маленькая, тощая и смуглая азиатка в просторном синем с черным казенном халате и цветном платке, повязанном на густых иссиня-черных волосах. На вид она было совсем молоденькая, хотя на самом деле, кто их там разберет? Может, уже и постарше Любы, и детей куча по лавкам сидит. Или в одной девятиметровой комнате ютятся, что ближе к истине.

– Чего тебе, Айнура? – поморщился Тимофей, видно не ожидавший появления здесь в это время маленькой уборщицы. – Видишь же, не до тебя.

Но у гастарбайтерши, видимо, были свои резоны обратить особое внимание на происходящее в подсобке. Вместо того, чтобы забрать ведро, швабру, еще какой инвентарь и быстренько покинуть помещение, она подступила к парню и зашептала громко и отчетливо, правильно, но с изрядным акцентом выговаривая русские слова:

– Ты сказал, меня ипать будешь, чтобы мужа не трогали! Ты меня ипешь, когда хочешь. Разве мало? Я тебе «нет» когда говорила? Зачем тогда сюда эту привел? Тут наше место.

– Ты дура, – немного рассердился, а больше – сделал вид, что сердится, Тимофей, которому такая неуместная ревность была чем-то даже лестна. – Видишь, у человека неприятности. Её сейчас чуть на той остановке не убило. Видела, небось, что на улице творится? Любана срочно надо стресс снять. А мы свои стрессы только по-русски снимаем – водкой.

– Э-э-э, – понимающе протянула Айнура. – А после водки драть её будешь, да? А то как же. Мой тоже, как выпьет, обязательно на меня лезет. Знаю я.

Она вдруг ловко подхватила налитый стаканчик Тимофея и опрокинула себе в рот спиртное. Ахнула, закашлялась слегка и потребовала:

– Сперва меня ипать будешь, а тогда уже и её. Если захочешь.

– Отстань, Айнура, – попробовал оттолкнуть маленькую уборщицу от стола парень. – Тут по подсобкам твой мужик шныряет.

– Он далеко шныряет, а ты рядом, вот.

Спасаемая от стресса Люба со все большим интересом наблюдала за происходящим, постепенно оживая после уличного шока. Казалось, эта неожиданная сценка подействовала на нее гораздо лучше водки.

– Ну, не при всех же? – попробовал пустить в ход последний слабенький аргумент парень. – Здесь, если заметила, еще одна женщина есть.

– Зачем говоришь? Что меня муж при своей сестре не ипал? Или при друзьях уже здесь, в Москве? Когда захочется, ни на кого не смотришь. Давай, ипи! – требовательно заявила Айнура, поворачиваясь к Тимофею задом.

Она ловко забросила на спину полы халата и, быстро спустив до щиколоток просторные форменные брюки, наклонилась, оперевшись ладонями в колени. Никакого нижнего белья под брюками уборщица не носила. И тощие, будто нарочито раздвинутые ягодицы не скрывали яркого шоколадного, явно давно разработанного пятнышка ануса, маленьких но уже приоткрытых половых губок и едва заметной дырочки между ними, готовой принять мужчину.

Тима замычал что-то невнятное, в недолгих сомнениях косясь на свою гостью. С Любкой у него может и не выгореть сегодня, как уже разок обломилось позавчера на днюхе, да и вряд ли эта блондинка будет часто к нему бегать от своего папика, реальную цену себе Тимофей знал. А вот не оттраханная Айнура может обидеться и тогда – прощай легкий, ни к чему не обязывающий секс в любое время дня по желанию. Но тут Любка, облегчая и без того уже принятое парнем решение, махнула рукой, изобразив на лице гримаску: «Вдуй же ей, наконец, а то ведь, настырная, так и не уйдет отсюда!»

Быстренько расстегнувшись, парень передернул пару раз уже твердый ствол, на всякий случай оглянувшись еще разок на Любку и, немного присев для удобства, привычно прихватил одной рукой азиатку за талию и вставил охнувшей женщине. Она странно запричитала шепотом что-то на своем языке, мелко задергалась, подмахивая партнеру. «Сильней давай, – задыхаясь, попросила Айнура через пару минут, – до кишок давай, чтобы сладко мой было!»

Люба наблюдала, как приподнимается на цыпочки, стараясь не упустить снующий туда-сюда член молодая женщина, как она ойкает и тихонько однообразно матерится, видимо, от удовольствия. Зрелище было не столько возбуждающим, сколько обыденным и жизнеутверждающим, возвращающим девушку из странного ступора в привычный мир.

– Ща спущу, – прохрипел тяжело дышащий Тима, сильно насаживая на себя маленькую азиатку. – Держи мой спермак!

– Давай-давай, – хриповато поощрила партнера Айнура. – Я тебе ребеночка рожу, русского, хорошенького...

Видимо, такой диалог происходил у них не первый раз. Парень мелко-мелко задергал задницей, вливая во влагище уборщицы семя, и со вздохом облегчения отодвинулся к столу, с трудом заправляя в брюки только-только начинающий увядать и сочащийся остатками спермы член.

Айнура разогнулась, сунула пальцы себе между ног, собирая подтекающую из вагины жидкость, облизала их, потом извлекла из кармана халата большой носовой платок, больше похожий на тряпку, и принялась тщательно подтираться.

– Вот, а говорил «нет», «потом», – укоризненно выговаривала она Тимофею в процессе. – Хорошо поипал, и тебе хорошо, и я хорошо, в порядке. Видишь? Теперь дальше пейте. Я

пойду, а то муж давно ждет. Он тоже хочет мне засунуть. Иной раз до дома не терпит, здесь ишет. Прямо на складе.

Она подтянула брюки, оправила халат, подхватила ведро и какую-то емкость с бытовой химией, на секунду остановилась, взявшись за ручку двери.

– Когда у меня восемнадцать будет, я тебе в рот возьму, сосать буду, – пообещала на прощание азиатка. – Муж говорит, как восемнадцать, так все можно делать.

И она выскользнула в коридор так же неприметно, как появилась. Только ключ проскрежетал в замочной скважине.

– Давай еще накатим, – позвала Люба парня, разливая водку из первой еще бутылки.

Она видела, как неловко он себя чувствует, потому постаралась сгладить неприятный для Тимофея момент. «Это судьба, – подумала девушка. – И на днюхе у Насти он до меня так и не добрался, и тут обломилось! Вот ведь, мне повезло сегодня крупно, а на нем, значит, отыгралась...»

– Знаешь, я Айнуре не врал, что мужа отмазываю иногда, – для чего-то счел нужным пояснить Тимофей. – У меня замначохраны в приятелях, из одного города, вместе учились когда-то. Он, бывает, покрывает кого из гастеров, ну, если по мелочи, конечно. А Айнуре и самой нравится трахаться. Это сейчас мы накоротке, по-быстрому. А так она иногда выдает такое...

– Она что же – малолетка еще? – вспомнив последние слова азиатки, поинтересовалась Любка.

– Да кто б её взял на работу до восемнадцати? Она же здесь официально, это её мужик поденщик... Хотя, хрен их разберет, приезжих. Может, сестрин паспорт взяла, – и тут парень перевел не самый приятный для него разговор на другую тему. – Ах, да, ты же за зарядкой заходила, верно? Давай телефон, я сейчас тебе подберу...

– Посмотри, – продемонстрировала ему свой смартфон Люба. – Поищи так, без него, а то мне должны звонить.

Почему-то она очень не хотела отдавать дорогой аппарат в руки Тима. Слишком много нужной для нее информации хранилось на смартфе. Да и видела она этого парня второй раз в жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.